

УДК 321.022

Политический рельеф Таджикистана: спектр и актуальные соотношения основных политических сил республики

Хадыров Равшан Юнусович

Аспирант,

кафедра политического анализа и управления,

Российский университет дружбы народов,

117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;

e-mail: khadyrov.r.u@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрено политическое пространство Республики Таджикистан в ходе исторического процесса формирования многопартийной системы и современное соотношение основных политических сил республики. Автором осмысливается и критически оценивается ситуация формальной многопартийности в стране, где оппозиция представляет собой лояльные власти политические партии, а конфликтующие с властью политические силы имеют разновекторные идеологии, обладают различными общественным весом и влиянием, отражают интересы разных социальных слоев и групп таджикского общества. Объективно проанализированы причины, формы и способы политической борьбы в Таджикистане, традиционность которых (в частности, клановая групповая солидарность в процессе социальной организации традиционного общества) устаревает и тормозит инициативность лидеров многих политических сил. Проведенный автором статьи анализ подводит к мысли, что кампания по активизации политических сил в стране, сталкивание их в политическом пространстве Таджикистана, попеременная поддержка то одних, то других и пр., могла бы обезопасить президента от политических рисков.

Для цитирования в научных исследованиях

Хадыров Р.Ю. Политический рельеф Таджикистана: спектр и актуальные соотношения основных политических сил республики // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 1А. С. 134-143.

Ключевые слова

Многопартийность, партия, политическая идеология, законодательство, «религиозный характер», общественно-политические движения, Таджикистан.

Введение

Современный рельеф политического пространства Таджикистана формировался под воздействием постсоветской трансформации, объективных процессов политической, экономической консолидации интересов различных социальных, этнических, религиозных групп, а также юридических решений властей. В политическом пространстве Таджикистана можно выделить три концепции политической идеологии: левые, правые и центристские. Однако термины «правый», «левый» и «центр» не имеют четкого определения, хотя и широко используются для обозначения позиции, которую занимают различные партийные идеологии.

Политическое пространство Таджикистана формировалось и ограничивалось рамками конституционного поля, реформами законодательства о партиях, этнополитическими и религиозными особенностями регионов, интересами, предпочтениями правящих элит и кланов, включая президента Э.Ш. Рахмона. Эти факторы во многом определили особенность современного политического пространства Таджикистана, расстановку общественных сил и степень их влияния на политические процессы в республике.

Генезис многопартийности в Таджикистане связан с взрывным процессом зарождения и выхода в политическое пространство различных общественных движений в конце 80-х, начале 90-х годов XX века. Стартовый этап формирования партийной системы был отличен от условий других республик СССР, о чем пишет И.Р. Абдуллоев: «Процесс становления многопартийности и политическая борьба развивались в Таджикистане в особых специфических условиях. Здесь, в отличие от центральных регионов СССР, коммунистическая номенклатура была больше бюрократизирована и не была готова к изменениям в новых условиях» [Абдуллоев, 2013, 224]. В то же время в отличие от многих республик бывшего СССР политические партии и другие общественные силы Таджикистана не выросли из «шинели КПСС и ВЛКСМ», а были сформированы интересами ряда социальных групп, кланов, в результате кровопролитной гражданской войны и общих политических соглашений участвующих в ней сил.

История формирования многопартийной системы Таджикистана

Многопартийная система Таджикистана формировалась в три этапа:

Первый этап (начало 1990 – конец 1992 гг.). Появление таких партий, как ДПТ (Демократическая партия Таджикистана) (10 августа 1990 г.), ПИВТ (Партия Исламского возрождения Таджикистана) (26 октября 1991 г.), КПТ (Коммунистическая партия Таджикистана) (4 сентября 1991 г.), ПСТТ – Партия свободного труда (24 августа 1992 г.).

Второй этап (1993–1997 годы) появление новых партий: Партия политического и экономического обновления Таджикистана была создана в 1993 году, ПНЕТ (Партия народного единства Таджикистана) – в 1994 году, Гражданско-патриотическая партия «Союз» была основана в 1994 году, как

и НДПТ. В 1996 году созданы Партия справедливости и Социалистическая партия Таджикистана, Партия справедливости и развития начала деятельность в 1997 году.

Третий этап начался в 1997 году после подписания «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане» и продолжается до настоящего времени. Его общая характеристика – неоднозначность результатов партийного строительства и властных решений по устранению ряда партий и политических сил с политической сцены Таджикистана [см. Эгамбердиев, Рузикулов, 2012, 220].

Парламентские выборы 2015 года показали следующую расстановку сил: НДПТ – 65,2%; АПТ (Аграрная партия) – 11,8%, ПЭРТ (Партия экономических реформ) – 7,6%, СПТ (Социалистическая партия) – 5,5%, КПТ – 2,3%, ДПТ – 1,7%, ПИВТ – 1,5%, СДПТ (Социал-демократическая партия) – 0,5%.

Особенность формирования оппозиции в Таджикистане в том, что процесс ее создания происходил параллельно развитию многопартийной системы. Можно отчасти согласиться с Р.Ф. Сафаровым, что этот процесс во многом был организован самой властью: «...инициация происходила в основном сверху и не являлась следствием организационно-политического оформления интересов крупных социальных групп в ходе борьбы масс за представленность их интересов на власти. ...Идеальная модель оппозиции включает в себя последовательное, организованное и легальное оппонирование партии, движения или иной группы лиц сложившемуся политическому режиму, освещение в парламенте и СМИ реальной практики осуществления правительством своего политического курса, и самое главное – приход к власти в ходе демократических перевыборов депутатов парламента и главы государства» [Сафаров, 2015].

В 2016 году в политическом пространстве Таджикистана закономерно присутствуют 7 политических партий, среди которых доминирующая и правящая НДПТ. Это классическая партия власти – на большинство государственных должностей назначаются члены только этой партии. Кроме правящей партии в Таджикистане действуют партии, которые отображают почти весь политический спектр: коммунистическая, аграрная, экономических реформ, демократическая, социал-демократическая и социалистическая партии. Однако их нельзя считать реальной оппозицией: судя по заявлениям их лидеров и результатам деятельности все эти партии, кроме социал-демократической, являются союзниками правящей партии [Салафиты в Таджикистане..., 2015, www].

Современное состояние основных политических сил Таджикистана

Большинство местных и зарубежных политических аналитиков констатируют, что персонализированной и активной оппозиции в Таджикистане не осталось. Присутствующие в политическом пространстве оппозиционные партии пассивны, не представляют угрозы власти, играют малозначительные, тихие и незаметные для общества роли на

политической сцене республики [Сафаров, 2013, 129]. КПТ и ПИВТ в последние 10 лет фактически не участвовали в активной борьбе за власть, за расширение своего электората – это подтверждают и официальные результаты выборов. Но не только неактивность этих партий является показателем снижения их авторитета, во многом причины лежат в активности правящего режима.

Президент Э.Ш. Рахмон укрепляет свою власть через изменения в Конституции, а законодательными, юридическими и судебными мерами усиливает контроль над оппозицией, добившись полной поддержки в парламенте, где у его партии (НДПТ) абсолютное большинство. Парламентская оппозиция (АПТ, ПЭРТ, СПТ) считает себя лояльными по отношению к власти. Умеренно критичную к власти оппозицию представляют 2 депутата КПТ, прошедшие по одномандатным округам, однако потерявшие связь с этой партией.

Запрещенная после выборов в парламент в 2015 году ПИВТ¹ вообще не провела в парламент ни одного депутата [Константинов, 2015, www]. Как считают многие эксперты, с запретом деятельности ПИВТ была завершена ревизия основных договоренностей между правительством и объединенной оппозицией, а отсутствие единства внутри оппозиционных сил лишь подтверждает факт, что они не в состоянии конкурировать с властями. Началом процесса вытеснения ПИВТ из политического пространства можно считать президентские выборы в 2013 году, когда ПИВТ и СДПТ сформировали «Объединение реформаторских сил Таджикистана», но не нашли компромисса по единому кандидату от оппозиции, а известная правозащитница О. Бобоназарова, выдвинутая от ПИВТ, выбыла из предвыборной борьбы, так как не смогла собрать необходимое число подписей избирателей для получения регистрации. Необходимо отметить и такую важную деталь процесса сглаживания политического рельефа: по результатам референдума 2016 года большинство населения поддержало поправки, в результате которых из текста Конституции исчезло понятие «религиозный характер партии», что полностью исключает возможность возвращения ПИВТ на политическую сцену.

Подобное решение властей, закрепленное результатами общенародного референдума, может только осложнить процесс окончательного национального примирения и возрождения экономики. Причины кроются в том, что ПИВТ представляла собой не только структуру «политического ислама», но и была выразителем интересов «каратегинской зоны», объединяя в своем составе многих видных представителей региона [Попов, 2016, www], поэтому, демонстративное вытеснение ПИВТ из общереспубликанского политического пространства может привести к реализации сценария автономизации регионов, усилению региональной клановости.

1 Верховный суд Таджикистана в сентябре 2015 года запретил деятельность ПИВТ, признав ее «экстремистско-террористической организацией». Поводом для этого послужил вооруженный мятеж замминистра обороны республики А. Назарзоды. МВД Таджикистана заявило о том, что А. Назарзода и другие участники мятежа являются активными членами ПИВТ, а попытка государственного переворота готовилась под руководством лидера партии М. Кабири [Токаева, 2015, www].

Политическое пространство Таджикистана поделено на несколько региональных кланов. Традиционное регионально-клановое разделение привело к тому, что население регионов воспринимает центральные или региональные институты власти как выразителей интересов только определенного клана и не доверяет им [См. Шарафиева, 2012, 99].

В состав политического пространства помимо партий входят различные общественно-политические движения. Относительно новыми из общественно-политических движений являются «Национальное движение Таджикистана», «Народный фронт без оружия» и «Молодежное движение». «Национальное движение Таджикистана» состоит из таджиков, работающих и проживающих в Таджикистане, США, Европе, Иране и России. «Народный фронт без оружия» стремится к возрождению партии «Народный фронт»², а «Молодежное движение» было ориентировано на идеологию ПИВТ, которая сейчас под запретом³. Более серьезными оппонентами власти были движение «Растохез» и национальное объединение «Лаъли Бадахшон», но их политическая деятельность наиболее активно протекает за пределами страны – в лагерях таджикских беженцев в Афганистане, а в России – среди экономических мигрантов. Сегодня эти движения не являются массовыми и не представляют серьезную угрозу для Президента Э.Ш. Рахмона и его партии НДПТ.

Нужно отметить, что в общественном сознании большинства таджиков оппозиция до сих пор воспринимается не как естественный конструктивный компонент политического пространства, а как деструктивная сила, участвовавшая в развязывании гражданской войны. Этим объясняются неутешительные для оппозиционных партий результаты всех прошедших в стране выборов, а не только административным и информационным давлением властей. Роль оппозиционных партий в таджикском обществе критично оценил политолог А. Куртов: «Политические партии... в Таджикистане существуют, но не представляют реальной силы: ни коммунисты, ни Партия исламского возрождения, ни разные оттенки социалистов и демократов, ни политические организации бизнес-сообщества» [Куртов, 2013, www]. Он же назвал и видимые причины: «...многие политические партии в республике... возглавляют тщеславные политические лидеры, которые предпочитают сохранять автономность в политической борьбе за власть» [Там же].

На фоне этих неутешительных для оппозиции экспертных оценок начинают формироваться параметры реального политического влияния партий на общество в рамках предложенной модели политического рельефа. В России рейтинг политического влияния партий⁴ ведут Фонд ИСЭПИ⁵, Центр политических технологий и ряд других рейтинговых агентств

2 Регистрация партии была аннулирована в 1997 г.

3 В России движение создало группу под названием «Союз таджикской молодежи».

4 Рейтинг политического влияния – интегральный индекс влиятельности по убыванию значений индекса. Индекс складывается из данных оценок или опроса внешних экспертов, рейтинга цитирования, экспертного рейтинга, составленного ведущими специалистами ЦПТ на основании мониторинга событий.

5 ИСЭПИ – Институт социально-экономических и политических исследований (некоммерческий фонд) учрежден в г. Москве 8 июня 2012 г. Методология партийного рейтинга ИСЭПИ основана на измерении ресурсных различий между партиями, электоральной активности и эффективности политических партий, на оценках выполнения партиями основных практических функций. URL: <http://www.isepr.ru/>

российских СМИ⁶. В отличие от России и других европейских стран СНГ в Таджикистане отсутствует открытая система актуальных рейтингов влияния партий, ее не ведут ни НАПТ, ни крупные СМИ, ни аналитики или блогеры сайтов таджикской оппозиции.

Проанализировав уставы, программы, заявления лидеров зарегистрированных и незарегистрированных партий и движений, можно сформировать схематическое аналитическое описание, которое необходимо для построения модели современного политического рельефа Таджикистана.

Естественно, расклад политических сил зависит и от текущего статуса, политической ориентации партий, характера их отношений с властью. Общая численность парламентских партий Таджикистана составляет 635 000 человек или 90% от численности остальных партий. НДПТ среди численности парламентских партий имеет подавляющую долю в 75,6%. Остальные четыре парламентские партии – всего 24,4%. Поэтому неудивительны и результаты последних парламентских выборов 1 марта 2015 года, на которых НДПТ набрала 2 472 262 или 62,5% голосов.

Также важен и показатель мобилизационных возможностей партий. Исходя из полученных голосов на парламентских выборах и численности партий, получаем, что наибольшими мобилизационным потенциалом обладает СПТ, на каждого члена которой приходится 9,56 голосов избирателей, почти столько же – 9,5 голосов приходится на члена АПТ, существенно ниже мобилизационные показатели НДПТ – 5,15 голосов на члена партии, еще более слабый показатель у КПТ – всего 1,65 голосов на одного члена партии. Поэтому для КПТ закономерен результат – партия не преодолела 5%-й барьер, в парламент прошли только 2 депутата-одномандатника. ДПТ с 1,5% поданных голосов смогла провести только одного депутата-одномандатника, но у нее на одного члена партии приходится 6,9 голосов, что даже выше показателя НДПТ.

Заключение

Анализируя деятельность этих партий, можно констатировать, что экономическая элита Таджикистана не стремится к активной политической деятельности, предпочитая работать в хозяйственной сфере, демонстрируя отстраненность от большой политики. Однако экономические элиты, особенно Севера Таджикистана, создают и сохраняют политические организации на случай активизации политической борьбы.

Продолжается маргинализация национально-демократического движения в Таджикистане по причинам, с одной стороны, объективной слабости демократических традиций, демократических институтов в таджикском обществе, жесткое давление правящего режима, с другой стороны, безответственности, некомпетентности, неорганизованности, амбициозности и коррумпированности политических лидеров.

6 Центр политических технологий – фонд политического консалтинга, создан в 1991 г. С 2015 года формирует и публикует рейтинги влияния политических партий России.

Библиография

1. Абдуллоев И.Р. Из истории реформирования политической системы в Таджикистане // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики (Худжанд). Серия общественных наук. 2013. № 3 (55). С. 224-232.
2. Аюпов М.А. Политико-трансформационный процесс и его структура Социально гуманитарные знания. 2003. № 4. С. 172-187.
3. Гончаров П.К. Политический транзит: от концепции модернизации к парадигме транзитологии // Вестник МГУ. Сер. Социология и политология. 2006. № 2. С. 59-78.
4. Кабанченко А.П. Политический процесс и политическая система: источники саморазвития // Вестник Московского гос. университета. Сер. 12: Политические науки. 2001. № 3. С. 102-119.
5. Константинов С. Коммунисты и исламисты не прошли в парламент Таджикистана // Литер. 2015. 4 марта. URL: http://liter.kz/ru/articles/show/7437-kommunisty_i_islamisty_ne_proshli_v_parlament_tadzhikistana
6. Куртов А. Современный политический режим в Таджикистане приобрел практически все черты, характерные для восточного авторитаризма // Stan Radar. 2013. 16 августа. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/4140-sovremennyj-politicheskij-rezhim-v-tadzhikistane-priobrel-prakticheski-vse-cherty-harakternye-dlja-vostochnogo-avtoritar.html>
7. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты // Соловьев А.И. (ред.) Политология: Лексикон. М.: РОССПЭН, 2007. С. 123-134.
8. Попов Д.С. Таджикистан 2015. Итоги года // Российский институт стратегических исследований. 2016. 25 января. URL: <http://riss.ru/analytics/25607/>
9. Салафиты в Таджикистане: экстремисты или временные друзья // SPUTNIK Таджикистан. 2015. 17 мая. URL: <http://ru.sputnik-tj.com/analytics/20160517/1019624861.html>
10. Сафаров Р.Ф. Политическая оппозиция и ее особенности в процессе трансформации современного таджикского общества: дис. ... канд. полит. наук. Душанбе: Таджикский национальный университет, 2015. 151 с.
11. Сафаров С.Ф. Теоретико-методологические основы исследования оппозиция и её специфические особенности // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. 2013. № 3/6(121). С. 126-132.
12. Токаева А. Исламская партия закрыта, мятежный генерал убит // РИА Новости. 2015. 7 сентября. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150917/230334674.html>
13. Шарафиева О. Роль региональных кланов во внутренней политике Таджикистана // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 98-100.
14. Эгамбердиев У., Рузикулов Дж. Основные этапы формирования многопартийной системы в Республике Таджикистан // Ученые записки Худжандского гос. университета им. академика Б. Гафурова. 2012. Вып. 5(33). С. 219-230.

The political space of Tajikistan: the spectrum and actual proportions of the main political forces of the Republic

Ravshan Yu. Khadyrov

Postgraduate,
Department of political analysis and management,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: khadyrov.r.u@mail.ru

Abstract

The article considers the political space of the Republic of Tajikistan in the course of the historical process of formation of the multiparty system and the modern correlation of the main political forces of the republic. The author analyzes and critically assesses the situation of a formal multi-party system in a country where the opposition is a loyal political party, and the political forces that conflict with the authorities have multi-vector ideologies, have different social weight and influence, and reflect the interests of different social strata and groups of Tajik society. Objectively, the causes, forms and methods of political struggle in Tajikistan, whose traditionality (in particular, clan group solidarity in the process of social organization of traditional society) are obsolete and inhibit the initiative of the leaders of many political forces. The analysis carried out by the author of the article leads to the conclusion that the campaign to activate political forces in the country, pushing them in the political space of Tajikistan, alternating support for one or the other, etc., can protect the president from political risks. Moreover, economic elites, especially the North of Tajikistan, create and retain political organizations in the case of intensified political struggle.

For citation

Khadyrov R. Yu. (2017) Politicheskii rel'ef Tadjhikistana: spektr i aktual'nye sootnosheniya osnovnykh politicheskikh sil respubliki [The political space of Tajikistan: the spectrum and actual proportions of the main political forces of the Republic]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theory and Problems of Political Studies], 6 (1A), pp. 134-143.

Keywords

Multi-party system, party, political ideology, legislation, "religious character", social and political movements, Tajikistan

References

1. Abdulloev I.R. (2013) Iz istorii reformirovaniya politicheskoi sistemy v Tadjikistane [From the history of reforming the political system in Tajikistan]. *Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki (Khudzhand). Seriya obshchestvennykh nauk* [Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics (Khujand). A series of social sciences], 3 (55), pp. 224-232.
2. Ayupov M.A. (2003) *Politiko-transformatsionnyi protsess i ego struktura Sotsial'no gumanitarnye znaniya* [Politico-transformational process and its structure of social and humanitarian knowledge], 4, pp. 172-187.
3. Egamberdiev U., Ruzikulov Dzh. (2012) Osnovnye etapy formirovaniya mnogopartiinnoi sistemy v Respublike Tadjikistan [The main stages of the formation of a multi-party system in the Republic of Tajikistan]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gos. universiteta im. akademika B. Gafurova* [Newsletters of Khudzhand State University named after B. Gafurov], 5(33), pp. 219-230.
4. Goncharov P.K. (2006) Politicheskii tranzit: ot kontseptsii modernizatsii k paradigme tranzitologii [Political transit: from the concept of modernization to the paradigm of transitology]. *Vestnik MGU. Ser. Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of the Moscow State University. Series of sociology and political science], 2, pp. 59-78.
5. Kabanchenko A.P. (2001) Politicheskii protsess i politicheskaya sistema: istochniki samorazvitiya [Political process and political system: Sources of self-development]. *Vestnik Moskovskogo gos. universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State University. Series 12: Political Science], 3, pp. 102-119.
6. Konstantinov S. (2015) Kommunisty i islamisty ne proshli v parlament Tadjikistana [Communists and Islamists did not go to the parliament of Tajikistan]. *Liter*, 4th March. Available at: http://liter.kz/ru/articles/show/7437-kommunisty_i_islamisty_ne_proshli_v_parlament_tadjikistana [Accessed 30/01/17].
7. Kurtov A. (2013) Sovremenniy politicheskii rezhim v Tadjikistane priobrel prakticheski vse cherty, kharakternye dlya vostochnogo avtoritarizma [The modern political regime in Tajikistan has acquired almost all features characteristic of Eastern authoritarianism]. *Stan Radar*, 16th August. Available at: <http://www.stanradar.com/news/full/4140-sovremenniy-politicheskij-rezhim-v-tadjikistane-priobrel-prakticheski-vse-cherty-harakternye-dlja-vostochnogo-avtoritar.html> [Accessed 15/01/17].
8. Mel'vil' A.Yu. (2007) Demokraticheskie tranzity [Democratic transits]. In: Solov'ev A.I. (ed.) *Politologiya: Leksikon* [Political science: Lexicon]. Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 123-134.
9. Popov D.S. (2016) Tadjikistan 2015. Itogi goda [Tajikistan 2015. Results of the year]. *Rossiiskii institut strategicheskikh issledovanii* [Russian Institute for Strategic Studies], 25th January. Available at: <http://riss.ru/analitics/25607/> [Accessed 17/01/17].

10. Safarov R.F. (2015) *Politicheskaya oppositsiya i ee osobennosti v protsesse transformatsii sovremennogo tadzhikskogo obshchestva. Dokt. Diss.* [Political opposition and its features in the process of transformation of modern Tajik society. Doct. Diss.]. Dushanbe: Tajik National University.
11. Safarov S.F. (2013) Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya oppositsiya i ee spetsificheskie osobennosti [Theoretic-methodological bases of research of opposition and its specific features]. *Vestnik Tadzhikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk* [Bulletin of the Tajik National University. A series of humanities], 3/6(121), pp. 126-132.
12. Salafity v Tadzhikistane: ekstremisty ili vremennye druz'ya [Salafi in Tajikistan: extremists or temporary friends] (2015). *SPUTNIK Tadzhikistan* [SPUTNIK Tajikistan], 17th May. Available at: <http://ru.sputnik-tj.com/analytics/20160517/1019624861.html> [Accessed 19/01/17].
13. Sharafieva O. (2012) Rol' regional'nykh klanov vo vnutrennei politike Tadzhikistana [The role of regional clans in domestic politics of Tajikistan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 359, pp. 98-100.
14. Tokaeva A. (2015) Islamskaya partiya zakryta, myatezhnyi general ubit [The Islamic Party is closed, the rebellious general is killed]. *RIA Novosti* [RIA News], 7th September. Available at: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150917/230334674.html> [Accessed 14/01/17].